

Варфоломеевская ночь — Urbanculture

История

Политика

Ересь

Искусство

Варфоломеевская ночь (фр. *massacre de la Saint-Barthélemy*), также известная как **Парижская кровавая свадьба** — массовое убийство **гугенотов**, приехавших в Париж на празднование свадьбы **Генриха Наваррского** и **Маргариты Валуа**, начавшееся в ночь с 23 на 24 августа 1572 года. Послужила началом массового истребления протестантов по всей Франции, закончившегося только 3 октября и унёсшего около 30 тысяч жизней. Является одним из самых известных примеров резни по религиозно-политическим мотивам.

Причины и предпосылки резни

- В 1570 году был подписан Сен-Жерменский мирный договор, дававший гугенотам права на свободу вероисповедания на территории всей страны (за исключением Парижа, который католики считали своей святыней), кальвинистское богослужение (правда, только в двух городах каждого губернаторства) и занимать государственные должности, а также контроль над крепостями Ла-Рошель, Монтобан, Коньяк и Ла-Шарит, что вызвало **недовольство** ряда вельмож, исповедующих католицизм, в том числе и самой радикальной фракции, возглавляемой довольно древним и авторитетным семейством Гизов.
- 18 августа 1572 года состоялось венчание дочери «чёрной королевы» **Екатерины Медичи** и сестры **Карла IX** Маргариты Валуа и Генриха Наваррского. На торжество съехалось множество гугенотских вельмож, разместившихся в основном в центре Парижа, что явно нарушало условия мирного договора. Масла в огонь добавляло поведение гостей (по свидетельству историографа Жака Огюста де Ту, во время ожидания окончания торжественной мессы, следовавшей за венчанием, новобрачный и его свита громко хохотали и вели флиртующие разговоры, что в те времена считалось весьма неприличным и богохульным), а также их роскошный вид и пышность свадьбы (простые парижане отнюдь не жировали из-за непомерных налогов и высоких цен на продукты и вещи первой необходимости).
- 22 августа того же года произошло неудачное покушение на лидера гугенотов **Гаспара II де Колиньи**, организаторами которого были **Генрих I де Гиз**, мечтавший отомстить за гибель своего отца и восстановить своё доминирующее положение, и Екатерина Медичи, категорически не желавшая терять контроль над сыном, уставшим от её авторитарного вмешательства и поддерживавшим планы адмирала по оказанию помощи борющимся за независимость от Испании голландским протестантам, ибо сие было чревато для неё потерей власти. Организованное по требованию гугенотов следствие сразу же вышло на Морвера, которого наняли и укрывали Гизы. Что же касается аркебузы, найденной на месте преступления, то она имела маркировку **Генриха Анжуйского**, родного брата Карла. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, Гиз укрылся в своём особняке и попросил у короля разрешения покинуть Париж. Протестанты передвигались по городу группами, не выпуская из рук оружия, а некоторые из них сочли за благо покинуть столицу, пока не поздно. Католические проповедники с амвона метали в «еретиков» гром и молнии. Париж был подобен пороховой бочке, в смещение пришли даже наиболее уравновешенные его обитатели. На следующий день, поняв, что дело пахнет жареным, королева-мать решила нанести упреждающий удар и собрала совещание, на котором было решено уничтожить практически всю протестантскую верхушку, за исключением Наварры и Генриха I де Конде, после чего сообщила Карлу о вымышленном гугенотском заговоре против него и страны. Вначале тот колебался, но после того, как маман сыграла на его ненависти к более успешному брату, упрекнув в меньшей храбрости, согласился и вызвал вызвал к себе купеческого старшину Парижа с помощником. Те пообещали выставить 20 тысяч вооружённых людей и обязались хранить полученную информацию в строгом секрете. Действовать предполагалось по условленному сигналу — набату церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа, который должны были подхватить колокола всех церквей столицы. Во избежание путаницы «свои» должны были использовать белые кресты на шляпах и на рукавные повязки, а также зажечь свет в окнах домов. В целях предосторожности все городские ворота Парижа должны были оставаться запёртыми, а ратуша, площади и перекрёстки города — находиться под охраной вооружённых людей. Реализовать эти меры было тем проще, что ещё накануне муниципалитет Парижа, опасаясь волнений, распорядился мобилизовать свою милицию и привести к ратуше конные и пешие отряды. Тогда же сообщили герцогу Гизу, что он может отомстить за своего отца, расправившись с адмиралом Колиньи и его приближёнными.

Ход событий

Генрих Наваррский и его молодая жена не смыкали глаз. В супружеских покоях находилось около сорока дворян-гугенотов, собиравшихся наутро отправиться к королю требовать справедливости и самочинно свершить правосудие, если тот им не поможет. На заре Наварра со своим эскортом покинул спальню, сообщив Маргарите, что идёт играть в мяч^[1]. После его ухода новобрачная приказала кормилице запереть дверь и заснула сном человека, за долгий день совершенно выбившегося из сил.

В три часа утра раздался колокольный звон, которому принялись вторить все колокола Парижа. В окнах католиков загорелся свет, а улицы Сен-Жерменского квартала, в котором проживало много протестантов, наполнились вооружёнными людьми с повязками на руках и белыми крестами на шляпах, тут же принявшимися грабить и убивать под предлогом защиты веры, при этом не особо интересуясь конфессиональной принадлежностью жертв. Первую кровь пролили Генрих де Гиз и его подручные, наконец-то расправившиеся со столь ненавистным им де Колиньи.

Невер и Монпансье прочёсывали город с отрядами пехотинцев и конных, следя, чтобы нападали только на гугенотов. Не щадили никого. Были обобраны их дома числом около четырёх сотен, не считая наёмных комнат и гостиниц. Пятнадцать сотен лиц было убито в один день и столько же в два последующих дня. Только и можно было встретить, что людей, которые бежали, и других, которые преследовали их, вопя: «Бей их, бей!» Были такие мужчины и женщины, которые, когда от них, приставив нож к горлу, требовали отречься ради спасения жизни, упорствовали, теряя, таким образом, душу вместе с жизнью. Ни пол, ни возраст не вызывали сострадания. То действительно была бойня. Улицы оказались завалены трупами, нагими и истерзанными, трупы плыли и по реке. Убийцы оставляли открытым левый рукав рубашки. Их паролем было: «Слава Господу и королю!»

— Из донесения Филиппо Кавриана, мантуанского врача на службе Екатерины Медичи

Улицы уже были полны вооружённых людей, на шум которых хотели собраться протестанты, которых король распорядился разместить вблизи Лувра, но, после того как на их расспросы им ответили, что это приготовление к турниру, кто-то, желавший пройти далее, был ранен гасконцем из гвардии; так как в это время послышался первый набат и нужно было начать преследование, то герцог де Гиз и шевалье д'Ангулем, которые всю ночь отдавали приказания, берут с собой герцога д'Омаль и приходят к квартире адмирала, который, услышав шум, вообразил, что происходит бунт против самого короля; однако он изменил своё мнение, когда Кассен, которому открыл двери тот, у кого были ключи, пронзил его кинжалом на глазах швейцарцев, из которых один был убит в то время, как хотел загородить дверь. Вот герцог де Гиз во дворе, и Кассен с капитанами Атеном, Кардильяком, итальянцем Сарлабосом и немцем по имени Бем добрались до крыльца. Адмирал стоял со своим пастором Марленом, хирургами и немногими слугами, которым он без смущения в лице говорил: «Это моя смерть, которой я никогда не боялся, ибо это от бога; не нужно мне более человеческой помощи. Ради бога, друзья мои, спасайтесь». Пока они испытывают сломанные двери, Бем входит в комнату; он находит адмирала в ночном платье и спрашивает его: «Ты адмирал?» Ответом было: «Молодой человек, уважай мою старость: пусть по крайней мере я умру от руки дворянина, а не этого денщика». Но на эти слова Бем пронзил его шпагой и, извлёкши её, рассёк ему лицо надвое палашом. Герцог де Гиз спросил, сделано ли дело, и когда Бем ответил, что да, ему приказали выбросить тело за окно, что он и сделал.

— Агриппа д'Обинье. Всеобщая история

Вышеназванные Гиз, д'Омаль и д'Ангулем напали на дом адмирала и вступили туда, предав смерти восемь швейцарцев принца Беарнского, которые охраняли дом и пытались его защищать. Они поднялись в покои хозяина и, в то время как он лежал на кровати, герцог де Гиз выстрелил из пистолета ему в голову; затем они схватили его и выбросили нагого из окна во двор его отеля, где он получил ещё немало ударов шпагами и кинжалами. Когда его хотели выбросить из окна, он сказал: «О, сударь, сжальтесь над моей старостью!» Но ему не дали времени сказать больше.

— Из доклада Хуана де Олеги, секретаря посла Испании

Господин де Гиз направил к дому адмирала немецкого дворянина Бема, который, поднявшись в его комнату, заколол его кинжалом и выбросил из окна к ногам своего господина, герцога де Гиза.

— Из мемуаров Маргариты де Валуа

Через некоторое время после ухода мужа королева Наваррская была разбужена мощным стуком в дверь и доносившимися из-за неё воплями «Наварра! Наварра!» Служанка решила, что вернулся супруг хозяйки, и открыла. В дверях оказался окровавленный дворянин, за которым гнались четверо гвардейцев. Он обхватил Маргариту за талию, после чего оба упали на кровать. Появившийся капитан гвардейцев понимающе ухмыльнулся, решив, что та находится в объятиях любовника, и отчитал подчинённых за «бестактное поведение». Великодушно даровав жизнь «любовнику», он успокоил Маргариту относительно судьбы супруга, сообщив, что тот находится в безопасности. Когда гвардейцы удалились, спасённый галантно проводил свою спасительницу к её сестре, герцогине Лотарингской. По пути они стали свидетелями того, как ударом алебарды был убит какой-то несчастный. Некоторые дворяне-гугеноты, остановившиеся в Сен-Жерменском предместье, узнав о начавшейся резне, не хотели верить, что распоряжение дал сам Карл IX, и вместо того чтобы бежать, решили отправиться в Лувр искать защиты у короля. Кое-кто из них даже подумал, что Гизы и их приспешники покушаются на королевскую особу, и попытался переправиться через Сену, стремясь прийти на помощь монарху. Однако на их пути встало около двух сотен солдат, открывших по ним огонь из аркебуз под одобрительные возгласы «Убей, убей!», так что им пришлось спастись бегством, кто как мог: на своих двоих, верхом, в сапогах или босыми, бросив всё, что имели, лишь бы унести голову на плечах. Что же касается самого государя всея Франции, то оный, по свидетельству Брантома, с беспрестанными криками палил из окна своей комнаты в сторону дислокации «еретиков»^[2].

На следующий день, 25 августа, когда наметились первые признаки пресыщения кровопролитием, по Парижу разнёсся слух о том, что на кладбище Невинноубиенных расцвёл засохший боярышник. Данное событие подхлестнуло рвение погромщиков, решивших, что сие чудо является предзнаменованием возрождения королевства, отравленного протестантской ересью. Гизы со своими подручными попытались преследовать гугенотских вождей, сумевших бежать из Сен-Жерменского предместья, но, разочарованные и озлобленные, возвратились ни с чем.

26 августа состоялось заседание парламента, на котором появился в королевском облачении Карл IX, заявивший, что принятые им меры имели своей целью спасение государства. Он объявил, что все ранее издававшиеся эдикты о веротерпимости отменяются и отныне единственной религией в королевстве будет католическая, апостолическая и римская вера, и потребовал от Генриха Наваррского и его двоюродного брата Конде отречься от протестантизма под страхом смертной казни. Наварра, с раннего детства неоднократно менявший веру, повёл тонкую игру, заявив, что ему требуется время, дабы его наставили в католической вере. Все знали, что он в этом ничуть не нуждается, но просьбу его всё же уважили, дав ему в наставники бывшего протестантского проповедника из Орлеана, обратившегося в католицизм после Варфоломеевской ночи. Конде же вначале попытался протестовать против избения своих единоверцев и угрожать отомстить за невинные жертвы, чем вызвал сильный гнев Карла IX, но в итоге совершил отречение на две недели раньше (12 сентября). Что касается Екатерины Медичи, то она вновь обрела власть над сыном, но при этом, сама того не желая, нарушила политическое равновесие и подняла авторитет «господ Лотарингцев» на небывалую прежде высоту.

Реакция мировой общественности

- Испанский монарх **Филипп II** впервые за многие годы прилюдно захохотал и поздравил Карла IX со «святым, славным, мудрым делом». На первый взгляд, подобная реакция может показаться признаком религиозного фанатизма, но на самом деле король радовался тому, что его стране удалось избежать тяжёлой и кровопролитной войны и потери нидерландских провинций.
- Папа римский Григорий XIII отслужил молебен и выбил медаль с изображением убийства Колинны, заявив, что это событие стоит пятидесяти таких побед, как при Лепанто^[3].
- Протестантка **Елизавета I Английская**, приняв французского посла в подчёркнуто траурном облачении, вместе с тем предпочла не предпринимать никаких враждебных действий в отношении Франции.
- Русский царь **Иван IV Грозный**, казнивший за 50 лет своего правления намного меньше неугодных, заговорщиков и предателей и уже отказавшийся к тому времени от опричнины, осудил парижские убийства в своём письме тестю Карла IX, германскому императору **Максимилиану II Габсбургу**:

А что, брат дражайшей, скорбиш о кроворозлитии, что учинилось у Францовского короля в его королевстве, несколько тысяч и до сущих младенцов избито; и о том крестьянским государем пригоже скорбети, что такое безчеловечество Француской король над толиком народом учинил и кровь толикую без ума пролил.

- Генрих Анжуйский чуть не проиграл на выборах монарха в Польше, а немецкие дворяне окрестили его «мясным королём».
- Венеция, поздравив Францию с избавлением от гугенотской угрозы, вместе с тем резко перекрыла оной кредиты, направив все свободные средства на войну с турками.
- В самой Франции даже в массах пробудились ненависть к Екатерине и Гизам и сочувствие к Бурбонам. Как заметил **маршал Таванн**, «дело сделано, опасность миновала, но пролитая кровь продолжает тревожить совесть».

Итоги

События Варфоломеевской ночи избавили католиков от эсхатологического напряжения, а гугенотов — от иллюзий по поводу возможности сосуществования с католиками в рамках одной общины и свободного отправления обоих культов. Началась политизация и деконфессионализация конфликта — Франция чётко разделилась на два лагеря, причём на юге страны возникла настоящая конфедерация протестантских городов, не признававшая королевскую администрацию. Авторитет короны заметно пошатнулся, поскольку началась борьба не за влияние на короля, как было раньше, а против него. Королевская власть же, в свою очередь, перестала искать мирный компромисс с гугенотами, отменив Сен-Жерменский мирный эдикт 1570 года. Наварра в торжественной обстановке отрёкся от протестантизма, став луврским заложником вплоть до февраля 1576 года, когда ему удалось бежать, а потом — возглавить гугенотское движение. В 1572 году тысячи протестантов эмигрировали в другие страны. Гугенотской столицей на долгие годы стала Ла-Рошель, которая была подчинена короне только при [Людовике XIII](#) и [Ришельё](#) в 1628 году — все попытки Карла IX захватить город привели только к [очередной гражданской войне](#).

Альтернативное мнение

Нельзя не отметить, что сами гугеноты, которых традиционно принято считать жертвами, тоже были далеко не безгрешны. И хотя их антикатолические погромы носили менее масштабный характер, они всё же были (примеры — [«Мишеллада»](#) и [«сюрприз в Мо»](#)). Так что людям, начитавшимся «Королевы Марго» Дюма-отца и свято уверенным в том, что католики являлись палачами, ни за что ни про что перерезавшими тысячи невинных овечек, определённо стоит пересмотреть свои взгляды. Кроме того, историки склонны считать, что поводом для начала Варфоломеевской ночи были вовсе не религиозные распри, а политика — дело, как известно, грязное и лишённое благородства.

Интересные факты

- Григорий XIII категорически отказался дать разрешение на брак между протестантом и католичкой, из-за чего Карлу и Екатерине пришлось придумать компромиссный порядок проведения торжеств и обмануть духовенство подложным письмом.
- В самый момент венчания Марго позволила себе жест неповиновения. Заметив колебания сестры, Карл IX насильно наклонил её голову, что было расценено [кардиналом Бурбоном](#) как знак согласия.
- Апостол Варфоломей, имя которого носит данная резня, был заживо освежён и обезглавлен за то, что продолжал проповедь во время распятия.
- Среди жертв бойни были композитор [Клод Гудимель](#), философ-гуманист [Пьер де ла Раме](#) и прадед [писателя-моралиста Франсуа III де Ларошфуко](#).
- Генрих Наваррский потерял в ту ночь многих верных соратников, но само Провидение сохранило для него того, без кого он ничего не смог бы сделать, став королём Франции: в самый разгар резни по парижским улицам двигался в направлении Лувра, где ему и дали убежище, юный отрок, облачённый в монашескую рясу, держа напоказ трезник. Это был Максимилиен де Рони — будущий великий [герцог Сюлли](#).
- Именем «Марго» Маргариту Валуа называл только один современник — её брат Карл IX. Он же почему-то именовал её супруга Генриха Наваррского не иначе, как «Анриб». То ли троллил так, то ли [дислалию](#) какую имел...
- В XX веке опыт Варфоломеевской ночи был [дважды использован](#) в Германии.

Сабж в искусстве

Художественная литература

- Кристофер Марло «Парижская резня»
- Александр Дюма-отец «Королева Марго»
- Теодор Агриппа д'Обинье «Лезвия»
- Проспер Мериме «Хроника царствования Карла IX»
- Генрих Манн «Молодые годы короля Генриха IV»
- Мишель Зевако «Любовь шевалье»
- Пьер-Алексис де Понсон дю Террайль «Варфоломеевская ночь»
- Виктория Холт «Алая мантия»
- Константин Иванович Курбатов «Еретик Жоффруа Валле»
- Белла Ахатовна Ахмадулина «Варфоломеевская ночь»
- Морис Дрюон «Проклятые короли»

Кинематограф

- Дэвид Гриффит «Нетерпимость» (фильм, 1916)
- [Пэдди Расселл «Доктор Кто», серия «Резня в канун Святого Варфоломея» \(научно-фантастический сериал, 1966\)](#)
- [Патрис Шеро «Королева Марго» \(фильм, 1994\)](#)
- Александр Муратов «Королева Марго» (телесериал, 1996)
- Йо Байер «Генрих Наваррский» (фильм, 2010)
- Бертран Тавернье «Принцесса де Монпансье» (фильм, 2010)

Опера

- [Джакомо Мейербер «Гугеноты»](#)

Музыка

- [Margenta «Варфоломеевская ночь»](#)

Живопись

Джон Эверетт Милле «Гугенот, отказывающийся в день святого Варфоломея защищать себя от опасности с помощью католического знака»

Джон Эверетт Милле «Варфоломеевская резня»

Франсуа Дюбуа «Варфоломеевская резня»

Александр Фрагонар «Сцена в спальне Маргариты Валуа в Варфоломеевскую ночь»

Карл Фёдорович Гун «Канун Варфоломеевской ночи»

Карл Фёдорович Гун «Сцена из Варфоломеевской ночи»

Файзуллин Ильяс Шайхуллович «Видение Варфоломеевской ночи»

Эдуард Бернар Деба-Понсан «Утро у ворот Лувра»

Ссылки

- Споры вокруг Варфоломеевской ночи
- Варфоломеевская ночь | Энциклопедия Всемирная история
- Варфоломеевская ночь
- Что говорил о Варфоломеевской ночи Иван Грозный
- 3 события, которые спровоцировали Варфоломеевскую ночь
- Екатерина Медичи, «чёрная королева»
- Василий Дмитриевич Балакин «Генрих IV»
- Конде Генрих I
- Интересные факты о Варфоломеевской ночи
- Варфоломеевская ночь — Французский дворянин
- Королева-девственница или «сватовство гусара»**
- Кровавая месса | Публикации | Вокруг Света
- Генрих III Французский. Король Польши
- 5 страшных фактов о Варфоломеевской ночи — Вечерняя Москва

Примечания

- ↑ В действительности же он направился к Карлу, вызвавшему к себе его и принца **Конде**.
- ↑ Правда напрасно — его оружие не обладало необходимой дальностью.
- ↑ Впрочем, начиная с сентября, когда в Ватикан начали поступать реальные данные, что и как произошло на парижских мостовых, отношение к случившемуся со стороны **Святого Престола** стало постепенно меняться. Особое озлобление Ватикана вызвало то, что Париж начал требовать денег под убийство своих подданных, посмевших иметь мнение, отличавшееся от мнения правительства.